

✧ НИКОЛАЙ ШАМИН ✧

ЗОВ
ЛАТЫРЯ

18+

Николай Шамин

Зов Латыря

«Автор»

2026

Шамин Н.

Зов Латыря / Н. Шамин — «Автор», 2026

16 век. Колдовская Россия. Олег – зелейщик, странник, видящий мёртвых. Пять лет он колесит по дорогам, ведомый зовом латырь-камня, в котором заточена душа его сестры. Его единственный спутник – Злоба, дух ведьмы, которую он когда-то убил и теперь она вынуждена ему служить. Олег идёт по следу колдуна Чеслава, погубившего его семью. Но он ещё не знает, что эта охота – лишь часть чужой игры. Что каждый, кто протянет ему руку помощи, обречён. А то, что ждёт его впереди, способно перевернуть всё, во что он верил. Но сможет ли он выпутаться из сетей, о которых даже не подозревает, и освободить ту, ради кого живёт? И какова будет цена?

© Шамин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вой за спиной. Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николай Шамин

Зов Латыря

Вой за спиной. Глава 1

Телега подпрыгивала и скрипела, налетая на кочки. Вороная кобыла стрелой неслась сквозь туман. Он тоненькими ленточками стелился по опавшей хвое и оведал толстые стволы старых сосен. Кобыла хрипела. Туман хоть и был достаточно «прозрачным», чтобы видеть дорогу саженей на двадцать, но прямо сейчас страх был её главным погонщиком. Она шлёпала копытами по грязи также бешено, как билось её сердце. Высокие сосны всё реже проносились перед глазами – лес оставался позади.

– Давай, Бурька, – кричал молодой возничий. Свист хлыста рассёк воздух. Кобыла заржала, но бежать быстрее не могла. Она бы с радостью ускорила, лишь бы вырваться из этой чёртовой дымки. Третьи сутки в пути выжали почти всю былую мощь из ещё молодой лошади. Редкие остановки, чтобы попить, сил не прибавляли. – Мчи, пока нас не сожрали.

Позади раздался протяжный волчий вой. Внутренности сковал холод. В руках парня закрипели кожаные поводья. Напряжённые скулы, опущенные брови: на его лице читалась злость – но точно не страх. Страх сидел глубоко внутри, откуда молодой возничий старался его не выпускать.

– Нагоняют, душегубушка, – лёгкий женский голос, словно эхом, раздался в голове парня.

– А то я без тебя не слышу, что нагоняют, – резко прошипел он не отрывая глаз от дороги. Кобыла тяжело фырчала. Она неслась вперёд. К спасению, если оно там есть, хотя и вряд ли она думала именно об этом, (если лошади вообще могут так размышлять).

– Точно, дорога верная? – Взмах руки и хлыст с новой силой обрушился на задок Бурьки.

– Всё зависит от того, куда ты хочешь приехать, – на этот раз в голосе звучал сарказм. – Если к своей смерти, то да, дорога верная.

Снова волчий вой. Теперь он стал ближе, громче, ледянее. Парень оглянулся. Туман. Чёрные стволы сосен. И больше ничего. Но он чувствовал кожей, каждой клеточкой тела – они совсем рядом.

– Если нас сегодня съедят, я вернусь и ещё раз тебя убью, – он дёрнулся. Зубы сковала оскомина, а вместе с ней появился и вязкий привкус гнили. Возничий заводил скулами. – Ну и кого там ещё принесло?

В паре десятков саженей прямо посреди изъезженной дороги стояла бледная, почти как сам туман, женщина. Её длинную белую ночную рубаху покрывали бурые пятна. Она держалась руками за живот и пристально смотрела на повозку, которая летела прямо на неё.

Женщина открыла рот и по подбородку заструились два тёмных ручейка.

– П-м-м...х-х... – больше гортанный хрип, чем что-то членораздельное вырывалось из её глотки. П-м-м...х-х... П-м-м...х-х..., – выдавливала из себя женщина снова и снова. Её голос. Он подобно сотне обжигающих пчелиных жал, стремительно впивался под кожу.

Возничий мотнул головой, но голос не вытряхивался. Он остался на месте, продолжая эхом разноситься где-то внутри. Парень с силой стеганул лошадь.

– Давай, родная, мчи! – закричал он.

Бурька приближалась. Ещё мгновение и кобыла на полном ходу налетит на женщину, но та не сходила с места. Возничий уже видел размытые черты её лица и холодные, как лёд, глаза. По телу пронеслась неприятная дрожь.

Лошадь занервничала и упёрлась копытами в вязкую грязь. Она пыталась остановиться. Жуткий пронзающий, как нож, вой стаи стал ещё громче. Парень схватил лежащий рядом с

ним самострел. Он выстрелил не глядя. Стрела со свистом рассекла воздух и исчезла. В белой дымке, среди темнеющих контуров сосновых стволов раздался визг. Жалобный, леденящий душу, который тут же сменился яростным рыком.

– Ну да, а на что ещё ты рассчитывал? Что они обидятся и уйдут? – пробормотал возникший и иронично закатил глаза. – Мчи, родная! – прикрикнул он и с оттягом ударил Бурьку хлыстом. Кобыла громко засопела, затрясла мордой и с новой силой помчалась прямо на странную незнакомку. Женщина опустила голову и раскинула руки в стороны. В это же мгновение её внутренности плюхнулись в лужу и она исчезла, словно здесь никого не было.

Возничий резко закрыл глаза. Яркая белая вспышка, которую видел только он, сменилась картинками. Сначала – грязь. Копыта кобылы бьют по вязкой жиже. Затем – кишки, лежащие в луже крови и маленький белый камешек. Он лежал прямо посреди кучи из внутренностей. Именно это он уже и видел несколько седмиц назад. Но было это во сне. Правда сейчас женщина, как и её содержимое, просто исчезла.

– Ух, жуть лютая. Теперь точно вижу, что дорога верная, – пробурчал парень. Он едва заметно улыбнулся уголками губ.

Лес редел, и туман сходил на нет. Впереди показался голый от деревьев невысокий холм, а под ним – покосившаяся водяная мельница. Увидев рукотворную постройку, возникший припустил поводья. Трава становилась выше. Здесь она не делила свет с густым пологом сосен. Всё солнце принадлежало ей. Парень поднял хлыст. Он уже хотел было закричать кобыле: «Скачи, Бурька, скачи к спасению нашему», но в то же мгновение колесо налетело на невысокий пенёк, подпрыгнуло и с треском переломилось. От удара возникший подскочил и слетел с телеги, крепко сжимая руками поводья.

– Тпруууу! – надрывно закричал он и плюхнулся на землю. От удара из его лёгких вышибло дух. Земля и небо завертелись в тошнотворном хороводе. Возничий покатился вслед за лошадьёю. – Стой, кому говорю!

Кобыла остановилась. Её ноздри жадно и громко втягивали воздух. Юноша распластался на мокрой траве, а прямо перед его носом торчал ещё один здоровенный пенёк.

– Э-эх, Бурька, ещё чуток и вечерял бы я сегодня с предками, – на измазанном грязью лице растянулась улыбка, – вот нелепая смерть была бы.

– Ничего-то ты, душегубушка, не знаешь о нелепой смерти, – женский голос, который слышал только парень, снова эхом раскатился в голове.

Парень заводил скулами, но ничего не ответил. На зубах скрипела мокрая земля, которую он тут же выплюнул.

Возничий закричал, набрал полную грудь воздуха и поднялся на колени. Затем он медленно встал на ноги и посмотрел в сторону леса. Волков не было видно, но парень нутром чувствовал, что они точно рядом.

– Ну, это, – он запустил пальцы в короткие, некогда соломенные, но теперь грязно русые волосы и принялся стряхивать с головы налипшую траву, – благодарю за жизнь, что ли.

Парень едва заметно поклонился торчащему из густой травы сосновому пню и принялся медленно обходить телегу. Повредить транспорт из-за своей невнимательности ему хотелось меньше всего. Где-то далеко позади раздался волчий вой. Возничий резко обернулся и тут же схватился за рёбра. Стая остановилась у кромки леса. Крупный вожак задрал морду, нюхая воздух, затем развернулся и прихрамывая скрылся между деревьями. Остальные отправились за ним.

– Странные они какие-то, – кривясь от боли, буркнул юноша.

– Это ещё почему? Волки, да волки.

Он посмотрел в сторону кобылы.

– Добыча вот она, почти обездвижена, бери, да жуй, а они дальше леса носа не высунули. Не нравятся они мне.

– А ты никак испугался их? – лёгкий смешок, словно собственные мысли, раскатился в голове.

Возничий махнул рукой: – да ну тебя. Даже у мёртвых есть страхи. Или мне напомнить, чего боишься именно ты?

Ответа не последовало. Парень подошёл к переломленному надвое колесу и почесал кончик носа. *«Молодец, Олег, приехали. Дальше пешком»*, – подумал он и сам себе усмехнулся. Из-за холма доносились озорные детские крики вперемешку со смехом. Путник глубоко вздохнул. Он поднял с земли обе части колеса и посмотрел на мельницу.

– Думаю, с неё начать стоит, уж больно она меня тянет, – он скривился от боли в рёбрах и посмотрел на кобылу. Та спокойно жевала свежую, всё ещё влажную от дождя траву, словно только что не мчалась от волков.

– И на кой чёрт тебе эта мельница?

– А мне почём знать? Чувствую, что нужно туда сходить и всё тут. Ты смотри, чтоб волки не явились, да меня в курсе держи. Ежели что, сразу зови.

– Так ошейничек-то для начала убери.

Олег огляделся по сторонам и зашёл за телегу так, чтобы ни с мельницы, ни с холма ничего не было видно. Он снял с шеи кожаную верёвочку, на которой висел небольшой белый камень. Ничего драгоценного в нём не было, да и с виду он был похож на обычный круглый камень, которых полным полно на дне любой речки.

– Тебя зазываю, – едва слышно заговорил он, – приходи ко мне, да помощь окажи. Приходи, да по земле походишь.

Камень качнулся из стороны в сторону и замер.

– Тебя зазываю, – голос Олега стал низким. Плечи сжались и он сгорбился. Казалось, будто это уже не тот молодой парень, а дряхлый старик, который едва ли может выпрямиться в полный рост. Речь стала невнятной. Каждое слово протяжно вылетало изо рта трескучим шёпотом, – выходи из латыря-камня, уговором нашим зазываю, на свободу твою душу выпускаю. Выходи, да помоги. Выходи, да появись передо мною.

Камень снова качнулся, издал пронзительный треск, чем-то похожий на тот, который издают поленья, пожираемые огнём, и остановился. Перед парнем, из густого зелёного облака дыма, появилась едва различимая фигура. С каждым тяжёлым вздохом Олега бесформенные сгустки обретали человеческие черты.

– Ну, здравствуй, Злобушка, – улыбнувшись уголком рта, буркнул парень и открыл глаза.

В паре шагов от него стояла молодая черноволосая девушка в ночной рубаше. Она была настолько бледная, что казалось, будто всё её тело и вовсе просвечивается.

– Ну, здравствуй, пока можешь, душегуб, – мило улыбнувшись, ответила девушка.

От телеги до мельницы было не больше тридцати саженей. Старая покосившаяся постройка из кривеньких досок шумела водяным колесом в потоках реки. Громкое «кар» заставило Олега остановиться. Парень поднял голову. На крыше сидел крупный чёрный ворон. Птица смотрела на парня, медленно поворачивая голову то левым глазом, то правым.

Парень потянулся за ножом, который висел на поясе. К воронам Олег испытывал особую неприязнь с тех самых пор, как в одну из них обратился человек, который разрушил его жизнь. Не успели его пальцы обхватить рукоятку ножа, как птица сорвалась с места. Парень проводил её мимолётным взглядом.

Тут-тук-тук, оттарабанили костяшки пальцев по двери. Тишина.

– Здесь есть кто? – Олег потянул за ручку.

Деревянные навесы заскрипели и парень шагнул в полумрак. Затхлый запах ударил в нос, как только голова оказалась внутри. Олег поморщился. Пыль, мука и сырость в гремучем коктейле вязкой горечи осели во рту. Мельница была пуста. Ни людей, ни мешков, ни мышей.

– Ладушки, – парень вышел на улицу. Дверь снова заскрипела. – С крышей над головой разобрались.

Глава 2

Опёршись на плетённый забор два мужика в голос смеялись, явно обсуждая что-то очень потешное. Ни усы, ни густые бороды не могли скрыть раскрасневшиеся от хохота лица.

– К козе, говорит, сходи, – сквозь слёзы выдавливал из себя пузатый коротышка в потёртых серых портках, – в хлев, говорит.

– Ой, кум, – держась за живот, пробасил высокий крепкий мужик в холщовой рубаше с большой заплаткой на груди, – ну, ты ж брешешь, – заливался он, – штоб вдовушка так старшему сказала?! Ну, точно брешешь.

– Да я лично слышал, – пузатый пошмыгал носом, который больше походил на картошку и важно встал фертом для большей убедительности. – Кум, вот на кой мне тебе брехать?

– Опа, гляди, кум, – рослый мужик шлёпнул своего собеседника здоровой пятернёй по спине так, что тот присел, – опять кто-то заплутал небось. – Он вытянул перед собой руку, пальцем указывая на человека, который шёл прямо на них.

Путник был молодым парнем, лет двадцати на вид и ростом вершков в сорок. Всё, от колпака из тонкого летнего сукна и лица до тафтяных штанов, и чёрных сапогов, было измазано грязью. В руках у незнакомца было переломанное на две части колесо от телеги.

– Здравы будьте, мужики, – Олег добродушно улыбнулся. Это была его дежурная маска, которую он надевал всякий раз когда общался с незнакомыми людьми.

В носу засвербило. Лёгкий ветерок обдул весёлую парочку и ударил резкой собачьей вонью. Напротив Олега стоял коротышка. Поэтому сомнений, что зловоние исходит именно от него, не было. «*Такой низенький, а какой смрад*», – пробурчал в своей голове парень.

– Ну, здрав будь, коль не шутишь, – пузатый смерил парня своими поросычьими глазками, – ба-а-а-рын, – добавил он с характерным говором.

От недавнего веселья не осталось и следа. Он, как и некоторые жители села, не любил чужаков, потому что свято верил, что вместе с ними всегда приходят беды. Тем более, от всякой знати. Вон, например, с месяц назад уже забредал к ним купец ростовский и, что? Напился и давай к дочке старосты приставать. Так его от разъярённого Афанасия едва успели спасти. А, вместо благодарности, он, что сделал? Ночью избу старосты поджёг, пока спохватились, его и след простыл. Хотя среди местных и поговаривают, что это староста помог ему бесследно исчезнуть.

– И тебе не хворать, – пробасил пучеглазый здоровяк в заплатанной холщовой рубаше. – Ты, это, чего тут? Ищешь кого или сам потерялся?

– Я – Олег, зелейщик из Владимира. Езжу по деревням, лечу хвори, делаю обереги, да варю зелья, – всё с той же добродушной улыбкой продолжал парень. – Там за холмом у меня стоит телега стреноженная, – он выставил перед собой сломанное колесо. – Спасался от ваших волков и наскочил на пень. Сам чудом выжил, а вот с колесом теперь беда, – Олег вновь поднял его перед собой, демонстрируя свою проблему.

Мужики переглянулись. Пузатый почесал лысину и глубоко вздохнул, словно собирался с мыслями перед ответом.

– Ну вот, ещё один пожаловал, – бурчал себе под нос коротышка. – У нас и свой знахарь хорошо людей гробит...

– Это ты, барын, – резко перебил своего кума высокий мужик, – ещё и малой кровью отделался. Вон, дней пять назад эти волки сожрали у мельника Алёшки Косого кобылу с жеребёнком и самого Алёшку. Только кости обглоданные и остались, как раз таки вон там, за холмом, – он кивнул туда, откуда только что пришёл зелейщик.

– Славненько, – левый уголок рта метнулся вверх, создавая однобокую ухмылку. Остаться без Бурьки ему хотелось меньше всего. Олег положил половинки колеса себе под ноги, вытер правую ладонь о подол рубахи и почесал нос.

– Ну так, а у вас кто-нибудь может колесо починить, пока мою кобылу там не сожрали?

– Ну, мочь-то может, – бросил пузатый, – вот только с чего ты взял, што кто-то будет...

– Да не нуди ты, кум, – снова перебил его рослый, – што ты начинаешь своё нытьё? У человека, вон, – он кивком указал Олегу под ноги, – колесо сломалось, помощь нужна, а ты сразу бу-бу-бу своё разводишь, – здоровяк опять шлёпнул собеседника пятернёй по спине, растянулся в улыбке и обратился к чужаку. – Ты, это, барын, сначала к старосте сходи, он во-о-он в той избе живёт, – мужик указал пальцем на крохотный низенький сруб с тонкими маленькими окошками, больше похожими на бойницы. – Расскажи, што, да как, штоб он в курсе был. Как добро даст, так сразу и колесо починим.

– Благодарю, мужики, – Олег безуспешно пытался оттереть с кафтана и рубахи грязь, но понял, что делов не будет, поднял колесо и зашагал в сторону жилища старосты. «Ух, какое гостеприимство», – подумал Олег, – «не прибили и на том спасибо».

За пять лет своих странствий зелейщик побывал в десятках поселений. Видел и большие, домов на шестьдесят, и совсем крохотные, где всего пять изб, хлев, и голая степь. Но эта была особенной. И не только потому, что жилища здесь располагались вокруг базарной площади, а не вдоль реки, как это обычно бывает в деревушках, где основной промысел – рыбалка. В воздухе, кроме стойкого запаха рыбы, (который, к счастью или сожалению, перебил собачий дух), было ещё что-то. И это «что-то» неприятно жужжало, как назойливый комар. Сдавливало грудь и заставляло сердце биться быстрее.

– Земелька-то уработанная, – бурчал себе под нос Олег. – Как вы тут живёте вообще?

Ответ пришёл сам собой. Жизнь в деревушке бурлила. Старики сидели на лавках и уже явно обсуждали измазанного грязью *чужака*. Это было видно по сверлящим взглядам, которые никто даже не пытался спрятать. Дети задорно играли в игру. Она привлекла внимание Олега куда больше, чем выглядывающие сквозь приоткрытые двери местные женщины. Стайка озорных ребятишек в потрёпанной и однотонной серой одежде громко выла, изображая волков и тащили за руки самого маленького из них.

В голове Олега всплыли картинки из детства. Он вспомнил, как было весело придумывать новые игры. Вспомнил, как неоднократно, вместе со своим другом Вуком, тайком от хозяина пробирались на реку и подсматривали за девочками, которые помогали своим мамам и старшим сёстрам. Правда, когда их поймали и высекли, желание ходить к реке быстро пропало. Ребятам тогда было не больше одиннадцати лет. К слову, это был последний раз, когда зелейщик видел Вука.

Когда Олег вернулся из мира воспоминаний, местные ребятишки уже подошли к финалу своей игры. Они кружили хороводом вокруг щуплого мальчугана с криками «*волки-волки тебя пожрут и за нами не придут*». На третий повтор своей кричалки дети врассыпную разбежались кто куда, а маленькая «жертва» пыталась догнать хоть кого-нибудь.

Олег хмыкнул: «*Интересно, кто ж вам такую идею для игры подкинул?*».

Перед избой старосты стоял точно такой же плетённый заборчик, как и тот, о который опирались два мужика в начале деревни. Единственная разница – этот был явно более свежий и добротный. Олег резко остановился. В голове раздался звук, как будто кто-то поднёс пальцы к его уху и щёлкнул. Во рту стало холодно, а в нос ударил резкий запах гниющего мяса. Зелейщик обернулся. В нескольких шагах от него стояла та самая женщина в белом, которую он уже видел сегодня в лесу.

– Да чего тебе надо? – Злобно прошипел он и зашагал к избе. – Иди туда, откуда пришла. Пока сам не позову.

– Пом-м...х-хи..., – прохрипела незнакомка так, что зелейщик едва смог разобрать, что она говорит. – Т.. дол..х-хн...

Женщина в белом протянула бледную, просвечивающую на солнце руку. Она попыталась приблизиться к Олегу. Парень отпрянул.

– Я тебе ничего не должен, – резко бросил он, – исчезни, говорю!

Под ногами Олега закрипели доски, из которых было сколочено крыльцо перед входом. Немного обугленная невысокая дверь прямо намекала: «поклонись хозяину прежде, чем войти, либо стой на пороге». Зелейщику очень нравился этот обычай. Он считал, что, если хочешь, чтобы тебя уважали, для начала начни уважать сам. И,неважно, с кем ты общаешься: с богами, человеком или деревом.

Тук-тук-тук.

– Кто такой? Чего тебе тут надо? – гулкий трескучий голос раздался из-за двери так быстро, что Олег даже не успел опустить руку.

«*Значится, в щёлочку любим за людьми посмотреть*», – промелькнуло в голове у Олега, но он сдержал эту мысль в себе и едва заметно улыбнулся.

– Я – зелейщик из Владимира, у меня телега сломалась, не могли бы..., – не успел Олег договорить, как дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял высокий, вершков в сорок пять ростом, без пяти секунд облысевший мужик в синей холщовой косоворотке. Густая чёрная с проседью борода была собрана в пучок и на конце обвязана шерстяной нитью. Староста окинул взглядом Олега.

– Ну, здрав будь, барын, – староста немного склонил голову в знак уважения, – Далеко тебя занесло, однако. И зачем в глушь нашу пожаловал? – Бросил он зелейщику.

– Да я по деревням езжу, лечу хвори, делаю обереги, варю зелья, – улыбаясь уголками губ заговорил Олег. – К вам меня волки пригнали. Едва удрать от них смог. Сам-то цел, да вот с телегой теперь беда. Не могу дальше ехать, – парень поднял перед собой половики колеса, показал старосте. Тот недовольно забурчал что-то себе под нос.

– Хорошо, – едва разборчиво сказал староста, – ты, это, проходи в избу, – он сделал шаг в сторону и махнул рукой, как бы закрепляя своё приглашение. – Чего мы на пороге-то стоять будем?

– Благодарю, – зелейщик кивнул в ответ и, немного пригнувшись, вошёл в избу. Внутри она оказалась больше, чем на первый взгляд. Пол был устлан плетёными дорожками из серых и зелёных лоскутков ткани. Почти от самой входной двери и до противоположной стены растянулась широкая скамья. Она была накрыта покрывалом, которое было точь-в-точь как коврики на полу. В углу стоял сколоченный из сосновых досок обеденный стол.

У противоположной от скамьи стены стояла небольшая русская печь. В доме было теплее, чем на улице и пахло чем-то съестным так вкусно, что у Олега громко заурчало в животе.

– Барын, так ты, это, – староста одёрнул подол рубахи и выпрямил плечи, отчего те стали казаться ещё шире, – может пообедаешь с нами, раз уж пришёл?

– Да я... – начал Олег, но староста перебил его криком.

– Дарья! – гаркнул он. – Ставь на стол, у нас гости.

– Не стоит, правда, – заговорил зелейщик, – Если честно, я бы для начала кобылу свою в деревню привёл, пока её там волки не сожрали, – Олег улыбнулся и кивнул в сторону мельницы.

– Ты не переживай, – затараторил староста. – Сейчас мужиков пошлю, они сюда кобылу приведут, – он внимательно посмотрел на переломленное колесо, с которым всё это время стоял Олег, – и телегу на колёса поставят, да поедешь...

– Только, – перебил его зелейщик, – пусть кобылу с этой стороны холма у деревни привяжут. Я её потом сам до мельницы доведу, а там заночую. Если ты не против, конечно. Бедная кобыла весь день в галопе, устала. Боюсь, что если опять серые в лесу встретятся, то далеко не ускачу.

Староста явно не обрадовался такому заявлению. На мгновение его лицо скривилось так, словно он съел что-то очень кислое.

– Как скажешь, барын, ты, это, не переживай, проходи, вон, – староста жестом пригласил к столу, на котором уже стоял большой глиняный горшок и выпускал облачка горячего пара.

– А тебя как величать-то?

– Благодарю, – кивнул зелейщик. – Я – Олег, по батюшке – Иоаныч.

– А я, собсна, это, Афанасий, местный староста.

– Скажи, Афанасий, а где мне умыться можно, а то я, когда с лошади слетел, всю грязь собрал, – Олег поставил сломанные части колеса в угол у входа и демонстративно потёр грязное лицо ладонью.

– Дарья! – немного тише, чем раньше, крикнул староста. – Покажи нашему гостю, где умывальница и, это, рушник не забудь дать. А я, собсна, это, пока мужиков за лошадьё отправлю.

Глава 3

Зелейщик сидел на широкой скамье и с аппетитом уплетал уху. Напротив него неспешно дохлёбывал свою порцию староста, а в торце стола, у самой стены, склонив голову, сидела молодая девушка с длинной рыжей косой. Она была в белой холщовой рубаше, поверх которой был надет сатиновый прямой сарафан – «саян».

Олег и не думал, что настолько проголодался. Ему даже казалось, что уха, которая уже подходила к концу, была самой вкусной из тех, что он пробовал. Хотя может так и было, ведь он не был уверен, что вообще ел жёлтую уху с сарацинским зерном. А едал он разную и ни разу ему не попадались похожие – у каждой хозяйки уха уникальная, как и сама хозяйка.

– Ой, благодарствую, Афанасий, – довольно протянул Олег, – знатная похлёбка.

– Да мне-то, что? – жуя бормотал староста, – это вон, – он кивнул на девушку, – дочке моей, Дарье, благодарствуй, – Афанасий заулыбался. – Она у меня – хозяйшкa. Сама по дому хлопочет. Уже лет шесть как.

Олег молча посмотрел на старосту. Но тот и без слов всё понял.

– Да, волки её загрызли, – Афанасий закашлялся. – Прямо до окраины села пришли, не побоялись, – он схватил чашу с медовухой и осушил её. – Теперь-то мы их отлавливаем, да на шкуры пускаем, а тогда... – староста замолчал и стиснул кулаки.

– Да, волки у вас выносливые и суровые, – потирая больные рёбра буркнул Олег. Он взял свою чашу, приподнял её над головой, словно молча сказав тост и осушил вслед за хозяином.

Вместе с сытостью пришло и осознание, что в избе тихо. Нет назойливого жужжания. Но что-то было не так. Небольшой круглый *латырь-камень*, который Олег носил как оберег с самого детства, был горячим. Это единственное, что у него осталось как память о семье. Точно такой же камень был и у его сестры, Горицы. Последнее время латырь постоянно был немного тёплым, но не сейчас. Сейчас он был горячим, почти обжигающим. Ещё его бабушка рассказывала, что так себя ведут только осколки от одного большого камня. Они стремятся друг к другу и хотят воссоединиться.

«Поэтому, Олежек, вы с Горицей всегда будете чувствовать, что вы рядом», – голос бабушки, словно эхо из прошлого, зазвучал в голове.

Но в этой избе сестры точно не было.

– Дарюшкa, подлей нам ещё, будь добра. – Девушка встала. Не проронив ни слова, она взяла кувшин со стола и ушла в закуток.

– Афанасий, – сказал Олег и почесал большим пальцем кончик носа, – раз уж я попал в вашу деревню, может ты позволишь мне с людьми пообщаться? Авось, кому помощь нужна, так я помогу, чем смогу.

– Знаешь, барын, – почёсывая бороду начал староста, – ты лучше едь, куда ехал, от греха подальше. У нас люд суровый и с чужаками дел не имеет.

Дарья вернулась с полным кувшином и подлила каждому из мужчин.

– Да ладно тебе, – зелейщик улыбнулся. – Я ж дурного не сделаю. Да и вообще, ежели никому моя помощь нужна не будет, так я пару дней на мельнице передохну, да и уеду. – Он отхлебнул хмельного напитка.

– Ну, это, смотри сам. Потом, ежели што не так, не говори, што я тебя не предупреждал, – ответил Афанасий. – Завтра с утра со мной на рынок пойдёшь. Глядишь, кто-то и захочет у тебя зелий целебных или оберегов купить, – староста поднял чашу и продолжил. – Но, я тебе сразу говорю, што у нас свой знахарь есть и все, даже из окрестных сёл, к нему бегут. Поэтому, кобылу не распрягай.

– А лучше просто уезжай. Хватит нам и одного обманщика, – так тихо прошептала девушка, что её едва можно было слышать.

– А ну не болтай, – гаркнул староста и укоризненно посмотрел на дочь, – сколько можно? Ты не слушай её, барын, – староста посмотрел ему в глаза и натянуто улыбнулся. – Ефим – знахарь толковый, просто народ у нас, какой? Им же надо, штоб пальцами щёлкнул и всё, наутро у тебя ничего не болит, а богатства в калиту не вмещаются. Вот и болтают своим помелом небылицы разные.

– О чём речь, Афанасий? – Зелейщик поднял чашу и отхлебнул, привлекая внимание старосты. – Я даже хочу посмотреть на вашего знахаря. Может поучусь у него чему или сам знаниями поделюсь, – староста молча кивнул и выпил свою медовуху.

Когда за окном месяц показал рога, раскрасневшиеся от алкоголя Афанасий и Олег битый час «мерились» интересными историями из жизни. Если бы они не сидели за столом, а стояли, опёршись о плетёный забор перед избой, то походили бы на тех двух мужиков, которых встретил зелейщик у края деревни. Олег рассказывал старосте, что однажды увидел, как один знатный барин силой берёт женщину из холопов, так он ночью к нему прокрался и серпом причиндалы-то и отрезал.

Зелейщик поймал на себе холодный взгляд Дарьи. Уже не первый за этот вечер. Девушка была чем-то взволнована. Она то теребила свою длинную рыжую косу, то поглядывала в крохотное мутное окошко. К концу истории она и вовсе поднялась из-за стола:

– Я, пожалуй, пойду, – обратилась она к старосте. Тот молча кивнул и девушка быстро ушла за печь. Олег дождавшись, когда внимание Афанасия вернётся, продолжил:

– Крику было, ты б слышал. Все хоромы на уши поставил. С тех пор меня в город-то и не пускают, говорят, мол, если перед воротами появлюсь, так сразу на кол посадят. Зато помнить меня эта паскуда до конца жизни будет. Не уважаю я таких.

– И правильно, барын, – одобрительно гаркнул Афанасий и стукнул кулаком по столу. От удара кувшин с мёдом и стаканы громко загрюкали, – нечего женщин неповинных обижать. Она ж ему ничего плохого не сделала? – На всякий случай уточнил староста.

– Да, нет, конечно же, – чуть громче обычного ответил Олег.

– Это хоро... – только начал говорить хозяин, как зелейщик его перебил на полуслове.

– А знаешь, староста, – Олег потёр руками сонные глаза, – пожалуй и мне пора откланяться. – Парень посмотрел в темноту окна. Он и так уже изрядно засиделся. По правде, зелейщик уже и забыл, когда вот так просто сидел за столом, спокойно ел домашнюю еду, пил не в одиночестве и просто разговаривал.

– Да, – сказал Афанасий. – Мы и взаправду уже изрядно засиделись.

Олег встал из-за стола, надел колпак и начал суетливо поправлять свой кафтан. В голове зашумело. Весь смак выпитой медовухи пришёл именно сейчас. Мир в глазах зелейщика слегка закружился в хороводе. Парня качнуло и он громко опёрся руками в стол так, что тот грякнул всем, что только на нём стояло. «Ну, давай, упади ещё», – подумал Олег, пытаясь собраться.

– Да и устал я что-то. Дорога долгая была и непростая, да и мёд притомил уже, видать, – зелейщик посмотрел хозяину в глаза и несколько виновато улыбнулся, – Благодарю, что в гости принял, да накормил сытно. Пойду я.

С этими словами Олег спешно направился к выходу. Афанасий не совсем понимал, почему гость так срочно заторопился, но и препятствовать не собирался. «Мало ли, чего ему захотелось так резво», – думал про себя староста.

– Ты, это, – Афанасий встал, чтобы проводить гостя, – барын, телегу, как ты и просил, мужики наверняка уже у края деревни поставили, а лошадь я велел накормить, да напоить. Так што, к дороге она готова, хоть сейчас садись, да едь.

Олег молча посмотрел на старосту. В нос ударил резкий запах гниющего мяса, но парень не подал виду. Он едва заметно кивнул и пошатнулся в сторону.

Сам-то дойдёшь или довести? – поинтересовался староста.

– Дойду, конечно, – с добродушной улыбкой на лице ответил Олег. – Ещё раз благодарю за то, что принял, староста, – сказал зелейщик, закрыл за собой дверь в избу и шагнул в ночную темноту. Зудящее, давящее жужжание вернулось.

Афанасий стоял у входа и вглядывался в крохотную щель между досок. Незваного гостя не было видно. Староста только и слышал, как молодой барын на кого-то злобно рявкнул *«Сгинь! Я же сказал, что не сейчас»*. Хотя его собеседника слышно не было. Афанасий вернулся к столу, поднял уже наполненную чашу и осушил её одним махом. Из-за печи вышла Дарья.

– Чудной он какой-то, – сказал староста. – Опять сам с собой ругается. – Он ждал, что дочь как-то отреагирует. Но Дарья лишь улыбнулась, молча развернулась и ушла к себе в закуток.

Глава 4

Убедившись, что зоркие глаза Афанасия его не видят, Олег обошёл избу с другой стороны и стал ждать. Из головы никак не шло странное поведение Дарьи. Куда она спешила на ночь глядя? Или она просто так нервничала из-за присутствия непрошенного гостя. Этого зелейщик не знал. Потому и остался. Сидел в крошечной тьме у задней стены избы и ждал. Латырь-камень был всё таким же горячим, как и в жилище старосты. Ощущение, что его сестра или её *камень* где-то здесь, свербило в груди. Пять лет поисков впустую и вот – та самая ниточка, которую Олег боялся потерять.

В деревне было тихо. Спал даже ветер. Чем дольше зелейщик сидел, тем тяжелее были веки. Хмель делал своё дело и парень то и дело вздрагивал, когда разум начинал погружаться в мир снов. Дарья, наверняка, ждёт, когда её батенька крепко захрапит, чтобы незаметно выскочить из гнезда. Парню хотелось верить именно в это. И он был прав. Дверь тихо заскрипела. Олег поднялся на ноги и стал вслушиваться.

Озираясь по сторонам, Дарья спешно зашагала в темноту. Зелейщик дождался, пока она отойдёт подальше и последовал за ней.

– «Куда же ты, голубушка, мчишься?», – подумал Олег, пытаясь не потерять девушку из виду.

У Дарьи было два преимущества: ночь и трезвые ноги. Зелейщик брёл, не разбирая дороги, постоянно спотыкаясь.

– «Ни свечи, ни факела... никак от папеньки зрение хорошее досталось?», – продолжал бубнить у себя в голове парень.

Дорожка, по которой он шёл за дочкой старосты, вела в лес. Девушка резко остановилась прямо у кромки. Избы и землянки остались позади, а деревьев, за которыми можно было бы укрыться, поблизости не было. Недолго думая, Олег плюхнулся на землю и притих. Дарья огляделась и шагнула в лес.

Когда зелейщик поднялся на ноги, её уже не было. Побродив немного меж высоких сосен, он решил, что пора возвращаться, пока в этой темноте и сам не потерялся.

Добравшись до мельницы, Олег распряг Бурьку, привязал её к покосившемуся столбику и лёг рядом с телегой на охабень.

– И как всё прошло?

Злоба появилась из густого облака и нависла прямо над зелейщиком. Олег махнул рукой. Говорить прямо сейчас он был не намерен. Усталость и хмель брали своё.

– Не сейчас, Злоба.

– Тебя не было целый...

– Тшшш, – зашипел он и приложил указательный палец к губам. – Не нуди. И вообще, – Олег громко зевнул и снял с шеи камень.

– НЕТ! – она крикнула, но зелейщик уже начал ритуал.

– Глаза зашиваю, слуха лишаю, глаза зашиваю, да речи лишаю, тебя запираю, – раздался едва слышный хлопок и Злоба исчезла.

В глазах немного плыло – мёд у старосты был знатный. Олег смотрел на яркие летние звёзды и ни о чём не думал. Ему нравилось проводить так ночи. Бывало, он мог долежать так до зорьки, а потом встать только к полудню. Правда, таких деньков было немного. За пять лет своих странствий зелейщик редко оставался на одном месте дольше двух дней, особенно, если приехал поохотиться.

В нескольких шагах от Олега похрапывала Бурька. Несладко ей сегодня пришлось: почти полдня в галопе без передышки от волков мчалась, да ещё и запряжённая в деревянную, загру-

женную телегу. Глаза зелейщика начали слипаться. Звёзды закружились в хороводе, сливаясь в одно бледно-жёлтое пятно, а потом – Бам! Разлетелись на тьму крохотных кусочков и понеслись в разные стороны. Зелейщик даже почувствовал, как осколки падают прямо на его лицо. Они были холодные и шевелились.

Олег открыл глаза. Прямо над ним, склонив голову, стояла обнажённая женщина. Распущенные тёмные волосы незнакомки нависали над головой парня, словно змеи, готовые впиться зубами в шею зелейщику. Кожа на её теле была покрыта маленькими бугорками. Они пульсировали в такт с сердцем и бежали вверх, словно сотни мелких насекомых. Из пустых глазниц и ноздрей выползали опарыши. Они падали парню прямо на лицо, покрывая кожу зловонной ледяной слизью. Олег попытался пошевелиться, но его не слушались даже пальцы. Женщина склонилась ниже и глубоко вздохнула.

– Беги, – вместе со звуком из её рта посыпались крохотные чёрные паучки. Зелейщик чувствовал, как они набиваются в уши, ноздри, рот и глаза, но ничего не мог с этим сделать. – Беги! – повторила девушка едва слышным шёпотом. – Беги! – её рука резко взмыла вверх и камнем рухнула на его грудь. От удара у парня перехватило дыхание. Он почувствовал, как земля под ним стала засасывать тело, словно болото. И, чем глубже зелейщик погружался, тем сильнее чувствовал холодные вязкие объятия. Мгновение и в глазах потемнело.

Олег резко вскочил и принялся в кровь царапать ногтями своё лицо, пытаясь вытащить насекомых, которые, по его ощущениям, были уже под кожей.

– Барын, ты, это, чего верещишь-то? Никак, оса ужалила?

Зелейщик замер. В лицо бил яркий луч ещё холодного утреннего солнца. В паре шагов от Олега стоял низенький худощавый мужичок с редкими седыми волосами.

– Ты, это, барын, ежели уже не спишь, – продолжал он, – то, там, это, староста тебя уже ждёт на рынке.

Олег потёр пальцами глаза, пытаясь сбросить с них остатки ночного сна.

– Да, благодарю, – сказал парень, – передай старосте, что я сейчас подойду.

Мужичок молча кивнул и зашагал в сторону деревни. Зелейщик посмотрел на мельницу. Та тихо поскрипывала колесом в потоках воды. На крыше снова сидел чёрный ворон. Птица каркнула и взмыла в небо.

– Ух, – буркнул Олег, – неприятненько. И зачем же ты меня сюда привела, сестричка? Неужто, здесь тебя искать надо? – Он посмотрел на спящую кобылу и насупился. В голове было как-то тихо. Зелейщик забыл, что прошлой ночью запер Злобу в камне. Она всегда была рядом последние три года и Олег уже привык к её вечному недовольству и ёрничеству. Хотя это и выводило его из себя. Как ни крути, а она часто выручала его. С другой стороны, он понимал, что если бы не договор, который держит её в камне и принуждает подчиняться своему *хозяину*, ведьма уже давно бы сбежала.

Олег почесал кончик носа. Пустой желудок заурчал. Ему пора идти на рынок, где его уже ждут, и Злоба там может пригодиться. Зелейщик снял камень и быстро протараторил заговор. Выпускать ведьму он не планировал. Поэтому просто снял непрогляд и *«развязал»* рот.

– Я тебя ненавижу! – обиженный возглас тут же ударил внутри головы Олега. Парень заводил скулами. Голова и без того гудела, напоминая о вчерашнем вечере.

– Да не верещи ты, окаянная, – зелейщик потёр сонное лицо ладонями и громко зевнул. – Твоя задача – помогать мне, а не кричать. Лучше гляди в оба своих глаза, пока возможность есть.

Женщина из сна осталась в памяти смутным пятном, но всё не шла из головы Олега. Отчётливо рисовались только опарыши и пауки, которые лезли под кожу. Но он точно где-то её уже видел, вот только не мог вспомнить, где именно. Афанасий стоял в окружении неболь-

шой толпы местных жителей и о чём-то весело рассказывал. Рынок уже всю жизнь жил своей жизнью. Между торговыми лавками с рыбой, птицей, выпечкой, салом, шкурами животных и мёдом, слонялись люди. Под ногами то и дело шныряли и перекрикивались друг с другом дети. Сегодня они уже не были, как волки, а просто носились друг за другом. Один мальчуган, который Олегу напомнил самого себя в детстве, налетел на зелейщика и плюхнулся на землю. Мальчишка растерялся, вскочил на ноги и испуганно уставился на чужака. В широко раскрытых глазах читалась паника.

– Беги! – закричал мальчуган и тут же стрелой унёсся в толпу.

Белая вспышка вернула Олега в ночной кошмар. На мгновение зелейщик вновь оказался на траве, весь покрытый пауками и опарышами.

– Да чтоб тебя! – парень встряхнул голову.

От вчерашней грязи под ногами не осталось и следа. Олег подошёл к кучке людей, которая окружила старосту. По правую руку от Афанасия стоял невысокий коренастый мужичок с чёрными до плеч сальными волосами, впалыми глазами и длинным крючковатым носом.

– Ой, гляди, какой неприятненький, – эхом раздалось в голове зелейщика.

– Да, я тоже думаю, что знахарь не простой, но думки – думками, а сейчас всё и так понятно будет, – буркнул в пустоту Олег и подошёл ближе. Заметив гостя, староста изобразил улыбку и шагнул навстречу.

– Здрав будь, барын. Я уж было подумал, што мёд совсем ноги тебе связал, – надменно сказал Афанасий.

– И тебе здравия, – ответил Олег. – Воздух у вас хороший, спал, как младенец, – шутливо кинул зелейщик. Староста на мгновение замаялся. По его глазам было件нятно, что он ожидал другого ответа, но быстро пришёл в себя и повернулся к мужику с крючковатым носом.

– Вот, собсна, – затараторил он, – наш знахарь Ефим. Он у нас, ну очень большой умелец в разных там травах, да заговорах.

– Ага, зубы заговаривать он умелец, – крикнул кто-то из толпы и все в голос засмеялись. Олег, что было сил, старался сдерживать смех, но выходило, мягко говоря, не очень. *«Мнение простого народа всегда от сердца исходит»*, – так он говорил в подобных случаях. Олег понимал, что из-за этого он уже не лучшего мнения о местном травнике, хотя ещё даже не знаком с ним.

– Ну-ка! – громогласно гаркнул староста. – Кто тут тавро за клевету хочет? Сейчас мигом прям на лбу выжгу! – толпа резко умолкла. – Не слушай их, барин, – продолжил Афанасий, – ибо не ведают, что говорят.

Олег едва заметно улыбнулся и молча кивнул старосте. Он вспомнил, как прошлым вечером дочка Афанасия сказала ровно то же самое про здешнего знахаря Ефима. Погружённый в воспоминания о вчерашнем дне и кошмарном сне, Олег не заметил, как староста уже всю рассказывает окружившей их толпе о том, что «барын – лекарь из Владимира». Мол, кто хочет, может к нему сходить, от хворей полечиться иль оберег какой себе купить, чтоб защита от дурного была. Зелейщик только сейчас понял, что не помнит лица Дарьи. Она весь вечер просидела, склонив голову над столом. Помнил Олег только длинную косу, которую девушка терла пальцами и тёмный силуэт, скрывшийся в лесу.

– Барын? – словно по щелчку, парень пришёл в себя. Он понял, что, сам того не подозревая, во все глаза смотрел на ту самую женщину из кошмара. Только выглядела она немного иначе, да и говорила куда более невнятно. Бледная, в окровавленной рубахе, стояла у одной из избушек, поодаль от шумной и суетной толпы, что-то бормотала и так же пристально смотрела на зелейщика. Как только осознание пришло ему в голову, перед глазами замелькали неприятные картинки из сна, а в нос ударил резкий запах крови. Ещё прошлым утром она дважды заявлялась к нему, хрипела что-то нечленораздельное, а он её прогнал. И теперь это не давало ему покоя. Здоровая ладонь старосты мягко плюхнулась ему на плечо.

– Ну, допустим, это она была. Но, зачем? – буркнул Олег сам себе, погружённый в размышления.

– Кто, она, барын? – спросил староста.

– А? – задумчиво бросил Олег. Лоб покрылся холодной испариной. – Что ты говоришь? – обратился он к Афанасию.

– Я говорю, тут это, – староста, скривился и недовольно указал на двух мужичков и трёх женщин, которые стояли прямо перед ними, – вот собсна, это к тебе за помощью хотят.

Олег быстро окинул их взглядом и посмотрел туда, где только что стояла женщина. Но её там уже не было. Кучка зевак плотным кольцом сжималась вокруг чужака, каждый хотел оценить «товар» лицом. Толпа шумела десятками голосов. В паре шагов от зелейщика пожилой мужичок, с торчащей во все стороны копной седых волос, эмоционально тряс руками перед лицом и рассказывал своему собеседнику ночную беду.

– Дык, ты понимаешь, – дрожью в голосе рассыпал старик. – На той седмице теля издохло, а сегодня утром захожу у хлев и Зорька, кормилица, лежит окоченевшая.

– Да ты што? – смоля трубку и выпуская густые клубы дыма, пробурчал его собеседник. – Вон у Михалапа, да чи той ночью, пять овец пропало, а от козла только рога и остались. Куда делись, никто не видал.

– Она исчезла, – в голове зелейщика раздался голос Злобы.

– Так значит, найти надо! – злобно прошипел Олег.

– Кого найти, барын? – потупив взгляд, спросил Афанасий.

– Я хотел сказать, что мне идти надо, – выдавил зелейщик и резко повернулся к старосте, – а дочь твоя где?

Афанасий насупил брови и расправил и без того широкие плечи. Он немного склонил голову к Олегу. Добротой от такого взгляда даже не пахло. Связываться с таким верзилой и уж тем-более злить его – не самая хорошая идея. Кулак размером с половину головы Олега не даст даже шанса в честном бою. *«Да когда ж ты научишься задавать вопросы не накликаая беды?»*, – самокритично подумал зелейщик.

– А тебе, собсна, до неё какое дело, барын? – Гулко прошипел староста и махнул рукой в сторону толпы, которая пристально смотрела на происходящее. – Ты вона, лучше людьми займись.

– Да ты не подумай плохого, Афанасий, – с натянутой улыбкой произнёс Олег. – Так, просто об ухе вчерашней подумал, да про Дарьюшку вспомнил.

– Ты ж людям помогать собрался, – буркнул староста и положил здоровую ладонь на плечо зелейщику. – Так, собсна, и помогай али едь, куда ехал.

Олег кивнул и молча убрал с плеча руку старосты.

– Пусть после обеда приходят.

Местный знахарь был явно не очень доволен. На его перекошенном лице читалась озлобленность. Олег это заметил, но сейчас его не заботили чувства человека, который слышит у народа обманщиком. Ничего не сказав, парень развернулся и зашагал прочь. Староста злобно посмотрел на тех пятерых и пожал плечами.

– Ну, вы усё слышали, – пробубнил он, а потом повернулся к Ефиму и прошептал, – чудной этот барын, не нравится он мне.

– Бедой от него тянет, – с неприязнью прошипел Ефим, – попомни мои слова, староста.

Толпа разошлась, растворяясь голосами в гуле оживлённого деревенского рынка, на который каждую неделю съезжаются все окрестные селения. Возле покосившегося забора у первого дома стояли всё те же два мужика и эмоционально обсуждали неудачи в Ливонской войне.

– Здрав будь, барын, – лениво кинули они и вернулись к своему разговору.

Олег молча кивнул им и резко остановился.

– Слушайте, мужики, – с задумчивым видом заговорил Олег, – а у вас в деревне ведьмы или колдуны есть? Аль может вы кого в таком подозреваете?

Те посмотрели на зелейщика с удивлением и переглянулись. От толстого коротышки по-прежнему сильно воняло псиной. Олегу показалось, что сегодня запах был ещё более резкий. В носу засвербило и Олег чихнул.

– Ну, как тебе сказать, барын, – разводя руками начал отвечать рослый мужик с пятном на рубахе, – тут как оно всё, в любую избу пальцем ткни, если баба там живёт, то вот тебе и ведьма.

– Это как так? – Олег потупил взгляд и потёр рукой затылок.

– Ну дык, это, – продолжал мужик, – бабы, они ж это, по натуре своей ведьмы. Нет-нет, а заговор какой-нибудь знает, а если с соседями чего не поделит, так и точно гадости наделает.

– А вы видели, как они это делают?

– Ну дык люди судачут, значит кто-то, да делает, – протараторил мужик, – а тебе зачем?

– Да так, просто интересно, – зелейщик уже собрался уходить, как в голову пришла мысль.

Олег только сейчас подумал, что это первое, с чего вообще стоило начинать поиски. Но вчера, да и не только вчера, его мысли бились в противоречиях и панике. Изгой, который потерял всё и живёт ради одной цели – найти сестру. А что потом? С этим вопросом он засыпал каждую ночь и просыпался каждое утро. Но, пока что, месть – всё, что у него есть.

– А у вас муж знатный, чем-то на старосту вашего похожий, не появлялся? Высокий такой, – Олег поднял руку над головой, демонстрируя немалый рост. – Он ещё прихрамывает немного.

Мужики переглянулись. По их растерянности было понятно, что чуда не будет.

– Да чи нет, – неуверенно ответил здоровяк с зубами, как у бобра. – У нас тута приезжих да и нету. – Он окинул Олега взглядом с головы до ног, – ну, окромя тебя.

Кто-кто, а эта парочка наверняка знает обо всём, что творится в деревне. Вряд ли какие-то слухи от них ускользнут. Во всяком случае, Олег думал именно так.

– Ну, бывайте, мужики – ответил он, развернулся и зашагал к своей телеге. Отойдя так, что голоса «узаборной парочки» были едва различимы, за исключением гогота, ржали они на всю деревню, зелейщик обернулся и почесал кончик носа.

– Все бабы – ведьмы у него, тьфу, белебенья, – пробубнил Олег и нахмурил брови.

– Ну боброзубый-то, прав про баб отчасти, – ехидный голос Злобы, словно мысли, возник в голове Олега. – Вот только зачем нам здесь оставаться, если Чеслава тут никто не видел?

– Сейчас набегут и проверим, кто тут ведьма. Но, судя по тому, как в деревне земелька уработана, колдовством тут точно балуются, – зелейщик скривился. Пустой желудок снова неприятно заурчал. – А ты не путай меня! Я и без тебя с этим отлично справляюсь, – бросил он и зашагал дальше. – А то живо в болоте утоплю, будешь жадам мозги пудрить.

Олег был уверен, что сестра, вернее её душа, не зря привела его в эту деревню. Если это место как-то связано с Горицей, то он сделает всё, чтобы найти эту ниточку.

Глава 5

Ждать желающих получить «волшебную помощь» долго не пришлось. Олег только и успел, что перегнать Бурьку с телегой на другую сторону холма, ближе к деревне, да проглотить кусок запечёной на углях репы. Вытаскивать короба, в которых он хранил уже готовые зелья с отварами, и разводить костёр пришлось уже выслушивая первого страждущего. Это была бабулька преклонных лет, глядя на которую Олегу становилось не по себе. Не из-за её вида – парень боялся, что придёт время и он тоже станет немощным стариком, который и ходить-то с трудом может. Когда парень размышлял об этом вслух, Злоба всегда его успокаивала, говоря: *«До старости ты точно не проживёшь. Тебя или убьют или убьют – другого не дано»*.

– Знаешь, милоч, – жалилась бабулька, – чавой-то голова стала часто болеть. Как темнеет, так и жить не хочется. Уже поди третьи сутки мучаюсь, да спать не могу. А как кочет закричит и уся боль куда-то девается, как и не бывало.

– Интересненько, – едва слышно пробурчал Олег. Кто-то явно помогает бабульке страдать ночами. С соседями чего-то не поделила? Или кому-то из молодых тесно стало в избе с ней жить? Этого зелейщик не знал, но чувствовал, что кто-то точно шепчет на старушку. – Ты, бабуль, не переживай. Я тебе сейчас травок своих дам, ты, как вечер наступит, отвари их и жижицу выпей. Только сразу ложись. Травки сильные, в сон быстро утащат и боль пройдёт, – зелейщик полез к себе в телегу и достал оттуда небольшие свёртки.

Парень бросил в ступку сушёный корень чёрной бузины, веточку душицы и валерианы. Затем растолок их в порошок, пересыпал в маленький холщовый мешочек и отдал бабульке.

– Только ты этот мешочек не выбрасывай, день и ночь с собой его носи, – сказал ей зелейщик.

Старушка закричала в благодарности и уже собралась идти, как Олег её остановил.

– Скажи бабуль, а ты ничего странного в последнее время не видала? Может ходит кто ночами по улице, пока спят все или звуки странные?

Она исподлобья посмотрела на Олега. Стоять старушке было явно тяжело.

– Знаешь, милоч, – закричала она и опёрлась рукой на колесо телеги. – Мрут тут все. Поди проклял кто.

– Прямо таки все?

– Да от дитяток до скотины.

Зелейщик ничего не сказал. Про мор скота он уже слышал сегодня, когда был на рынке. Не успела старушка отойти от Олега, как за своей порцией помощи пришёл щупленький мужичок в застиранной рубаше, от которой сильно разило навозом. Бедолагу уже вторую седмицу кошмары мучают: то бесы за ним гоняются и рвут на части, то он словно зверь дикий на соседей кидается, да грызёт их. Даже к местному знахарю обращался, но тот не помог. Вернее, помог, дал какой-то горькой гадости выпить и кошмары прошли, но уже через пару ночей вернулись. Зелейщик дал мужичку настойку из вереска, пустырника и сушеницы.

– Ты, – говорит, Олег, – выпей её ночью перед сном, а вот это, – парень протянул ему мешочек, в котором лежал высушенный глаз жабы и веточка осины, – под голову себе положи, как ко сну потянет.

– Благодарствую тебе, барын, – затараторил мужичок.

– Да ладно тебе, – перебил его Олег, – главное, чтоб помогло. И это...

Как и у бабульки, Олег спросил у мужика, не видел ли он странного за последнее время. Но тот ничего нового не сказал, только вторил про *проклятие да мор*.

– Страшно, – говорит, – я уже и не знаю, как сон от яви отличить. Думал даже удавиться пойти, да боюсь я.

Зелейщик похлопал мужичка по плечу и отправил домой, а сам встал и зашёл за телегу. Ноги уже покалывали мелкими иголочками и Олегу хотелось немного размяться. Он достал из мешка небольшую баклажку и жадно глотнул остатки творёного кваса, которым его угостили несколько дней назад в деревушке по ту сторону леса. Зелейщик поморщился. Напиток стал крепче, пока лежал в телеге, часто под открытым солнцем.

– Душегубушка, – Злоба неожиданно возникла голосом в голове, – тебе эти *«страждущие до помощи»*, не кажутся странными?

Олег промолчал и лишь прокашлялся, давая ведьме понять, что сейчас не до неё.

Деревню уже окутали сумерки, а желающие «пожалиться» приезжему зелейщику всё шли. Последней была женщина, жена рыбака из крайнего дома. Говорит, у неё семь детей и у всех кошмары. А прошлой ночью она и вовсе слышала, как дед с мужем разговаривали. Вот только дед года три назад в реке утонул. У соседей через две избы тоже такой случай был. Только после таких ночных разговоров вся семья сгинула один за другим.

Тут отварами, да зельями не отделаешься. Олег это знал – сталкивался уже и с упырями, и с заложными покойниками. Причём, почти в каждой деревне. Убить их несложно. Намного сложнее сделать это так, чтобы не видел никто, а то с испугу прямо на том же костре и сожгут. Люд-то суетливый кругом, сначала делает, а потом думает. Самое неприятное в таких ситуациях, что, если улизнуть успеешь, так тебя потом по всей округе с вилами встречают. И Олег это знал не понаслышке. Чуть меньше года прошло с тех пор, как в Псковских землях ему пришлось бежать чуть ли не из каждой деревушки, в которую он приезжал в поисках Чеслава и своей сестры. Теперь туда только сунься, так все сразу языками клеймят «колдуном-душегубом» и за вилы хватаются. Но зелейщика это никогда не расстраивало. *«Сам виноват, что, вместо благодарности, тебя на вилы поднять хотят»*, – такого мнения он придерживался и всегда старался себя обезопасить.

– Ты, – говорит Олег рыбацкой жене, к которой упырь в избу повадился ходить – сожги эту траву, а пепел на пороге разбросай. Вот, держи, – он протянул тучной женщине скрутку из высушенной полыни. – Только обязательно до полуночи сожги, избу проветри, чтобы дыма много не было и до зори с постели не вставай. Если этой ночью опять придёт, то утром сразу ко мне.

– Ой, храни тебя Бог! – начала жена рыбака, но резко пресеклась. К телеге подошёл местный знахарь.

– Что, Софья, – с выраженным презрением в голосе буркнул Ефим, – опять сказок напридумывала и бегаешь, спасенья ищешь?

– Так от твоей помощи спасения и ищу, – кинула в ответ женщина, – всех от мала до велика кошмарит ночами после твоих отваров. Тьфу! – она демонстративно плюнула под ноги Ефиму.

– Ну-ну. Иди полынь свою пали, – ядовито прошипел деревенский знахарь и окинул взглядом Олега, – а ты, барын, надолго к нам пожаловал?

– Как только всем нуждающимся помогу, так сразу и уеду, – добродушно улыбаясь произнёс зелейщик, – они же просят.

– Они только и умеют, что просить, да слёзы лить, – прошипел Ефим. – Ты им подол подставь, так до макушки в соплях будешь. Ты вот...

– Эх, Ефим, – перебил его Олег, – так, а зачем же ты им подол даёшь, если они за помощью приходят? Подол у них и свой имеется, а вот помощи нет.

– Полно у них этой помощи, – оскалив зубы, буркнул Ефим. – Этим лишь бы на жизнь полагать.

– Так от того и лают, что помощи нет, – Олегу не хотелось обижать местного знахаря, да и вообще, разногласия с местными на руку точно не будут, но обманщиков и самолюбов он на дух не переносил. – Если б была, как ты говоришь, так и не шли они ко мне со всех

концов деревни, – он легонько хлопнул Ефима ладонью по плечу, – а сейчас, извини, дел много. Некогда мне язык без толку чесать, или тебе тоже подол нужен?

Ефим небрежно провёл рукой по месту, где только что его постучал Олег, словно стряхивая оттуда грязь. Его брови упали так низко, что со стороны казалось, будто ещё немного и они просто перекроют ему глаза.

– Да нет, барын, подольчик себе оставь, авось пригодится, – прошипел он, ссутулился ещё сильнее и одёрнул рубаху. – Ехал бы ты отсюда, да не лез, куда не просят.

– Ладно тебе, – Олег заулыбался во все зубы, – я вообще подумываю тут у вас сруб себе поставить, – он махнул рукой в сторону деревни, – гляди, места какие живописные. Может, соседями будем?

– Ну-ну, – прошипел Ефим и быстро зашагал прочь.

К тому времени луна уже окутывала холодным светом пустую улицу деревни. Олег вглядывался в темноту, пытаясь разглядеть знахаря, но того уже и след простыл.

– Ух, какой злой, – сдерживая порыв смеха, произнёс Олег, – и быстрый, чертяка. Но... – зелейщик зевнул, уж очень он притомился выслушивать такое количество людей, – слабенький, хоть и колдун.

– А зачем ты вдовушку обманул? – голос Злобы был на удивление довольным.

– А что мне, по-твоему, нужно было сказать? *Сегодня ночью я приду убивать твоего покойного дееда, а пользынь просто, чтоб ты вопросов не задавала и из дома не высывалась*, – понизив голос до хрипоты, протяжно затараторил Олег. – К тому же я не знаю, правду она говорит или на самом деле спросонья придумала себе проблему.

Злоба промолчала. Зелейщик подкинул в костёр сухих веток. Те затрещали, разбрасывая во все стороны яркие маленькие искорки. Ночь, хоть и была летней, но всё же веяла лунной прохладой. Олег постелил охабень, сел поближе к костру, насупился и потёр лоб ладонью.

– И чего ты тут думаешь? Неужто ничего тебе не ясно?

– Да не зуди ты, – гаркнул зелейщик. – Не забывай, с кем разговариваешь, а то мигом напомним, – он расстегнул рубаху, снял с шеи кожаную верёвочку, на конце которой качался бледно-белый, сплюснутый, как хлебная лепёшка, камень. Олег вытянул руку прямо над костром. Камень затрясся и начал раскачиваться во все стороны.

– Прекрати! – закричала ведьма. – Я ж помочь тебе хочу!

– Сейчас перекушу малость и пойдём поохотимся на заложного. Вот там и поможешь.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.